

Экстрим стынет в жилах

Уголовная ответственность за экстремизм должна поставить политическую оппозицию на место. Или — посадить.

На днях Владимир Путин подписал скандально известные апрельские поправки в Уголовный кодекс, КоАП и закон о противодействии экстремизму, которые усиливают ответственность за “деятельность, подрывающую стабильность общества”.

Сначала — о формальной стороне дела. В апреле 2007-го Госдума приняла поправки в Уголовный кодекс, дополнив ряд статей квалифицирующим признаком, предусматривающим совершение преступлений по мотиву расовой, национальной, религиозной, идеологической или политической ненависти или вражды, а равно по мотиву ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы и ужесточив за них ответственность.

Изменения коснулись и Административного кодекса. Штрафы за изготовление и сбыт нацистской атрибутики и символики теперь составляют от 10 до 25 минимальных размеров оплаты труда для физических лиц (МРОТ равен 100 рублям), 20 — 50 МРОТ — для должностных лиц, от 200 до 1000 МРОТ — для организаций. За распространение экстремистской литературы предусмотрен арест на 15 суток. (Все вроде бы верно, хотя вопросы остаются. Экстремистская литература — можно ли к ней, например, отнести “Апрельские тезисы” Ульянова?)

За хулиганство, если отыщутся экстремистские мотивы, теперь предусматривается лишение свободы на срок до 6 и 8 лет (если преступление совершено группой). Участники “экстремистского” митинга, повздоровшие с ОМОНОм, вдобавок к побоям могут получить до 12 лет колонии вместо нынешних 10. Увеличены сроки по статьям “Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение прав человек” — 2 года колонии вместо 3, и 6 вместо 5 — за то же самое, но с применением насилия (интересно, касается ли это положение ОМОНа?); “Организация экстремистского сообщества” — 6 вместо 4 — за создание организации, 3 года вместо 2 — за участие, 8 вместо 6 — за использование при этом служебного положения; “Организация деятельности экстремистской организации” — срок повышен с 3 до 6 лет за создание запрещенных судом организаций, а просто за участие в ней будут назначать не 2, а максимум 4 года. “Публичное оправдание экстремистской деятельности” будет наказываться (это, кстати, касается и СМИ) 6 годами колонии вместо 3.

Теперь о сути. Нужно ли бороться с проявлениями ксенофобии? Разумеется. Нужен ли специальный закон о противодействии экстремизму? Не уверен. Дело в том, что закон не содержит четкого определения “экстремистская деятельность”. Экстремисты — это те, кто разжигают вражду между группами населения. С расовой или национальной ненавистью более или менее понятно. А вот с идеологией и политикой сложнее. Как отличить акцию легальной оппозиции от экстремистов? На глаз.

В зависимости от того, кто будет глазеть, экстремистским можно назвать и митинг пенсионеров, протестующих против монетизации льгот, и слова Гарри Каспарова о массовом нарушении властями прав граждан, и замечание тишайшего Михаила Касьянова о том, что “власть сошла с ума”. Экстремистом, видимо, можно признать и участника Марша несогласных с плакатом: “Коррупцированных чиновников — к ответу”, и журналиста, который об этом напишет или опубликует фотографию митинга (экстремистская деятельность — это еще и “публичное заведомо ложное обвинение” должностных лиц в тяжких преступлениях).

Любопытно, что достаточные меры по борьбе с экстремизмом имелись в российском законодательстве и до принятия специального закона (который, кстати, не предусматривает механизма реализации).

Ответственность за совершение преступлений по мотивам расовой, религиозной и социальной ненависти и так есть в Уголовном кодексе. Другое дело, что у МВД и ФСБ нет то ли желания, то ли умения их применять.

И потому складывается впечатление, что поправки в кодексы принимались не ради борьбы с теми же скинхедами, а для создания удобного инструмента “точечного воздействия” на политических оппонентов. И исторические прецеденты есть. У любого авторитарного режима, кроме прямого насилия, еще одно

эффективное оружие борьбы с инакомыслием: “юридическая дубинка” — уголовная статья, допускающая широкое применение ввиду полнейшей неопределенности формулировки и позволяющая надолго изолировать неугодного человека от общества, попутно напугав остальных.

Раньше этой цели служили печально известные “антисоветские” статьи: 58-я УК СССР (точнее, целый “букет” из ее пунктов), а после — статьи 190-“прим” и 70-я УК РСФСР. Что такое “антисоветская агитация и клевета на советский строй”, следователи и судьи решали, руководствуясь “социалистическим правосознанием” (закон четких критериев не устанавливал). Есть и зарубежные аналогии: законы Португалии при Салазаре, Италии при Муссолини, Испании при Франко.

Пока практика применения “антиэкстремистских” нововведений отсутствует. Но вполне понятно, что Россия сделала заметный шаг к полицейскому государству. Поскольку именно такому государству для самосохранения нужны расплывчатые законы и толмачи из силовых структур.

Комментарии

Виктор Илюхин, зампред думского Комитета по безопасности:

— У нас недопустимое, на мой взгляд, увлечение термином “экстремизм”. Мы готовы весь Уголовный кодекс перечеркнуть, оставив только одно понятие — экстремизм. При этом экстремизм трактуется предельно широко. Экстремизм — это крайняя форма выражения своих взглядов, но далеко не всегда он имеет целью насильственное свержение власти. У нас же спешат любую критику власти объявить покушением на нее. Учат, что с властью нужно разговаривать шепотом.

Семен Ария, адвокат:

— С юридической точки зрения, законы СССР об антисоветской деятельности (статья 58-10 УК СССР “Агитация и пропаганда” и остальной букет 58-х статей) ни в какое сравнение не идут с нынешним законодательством. Это было исторически уникальное явление — оружие диктатуры пролетариата, оружие борьбы с собственным народом, которое было основано на насилии и никак не было связано с законом. Я хотел бы надеяться, что подобное не повторится. Я недостаточно хорошо знаком с нынешней правоприменительной практикой, но у меня сложилось впечатление, что борьба с экстремизмом постепенно приближается к тем методикам борьбы с инакомыслием, которые хорошо знакомы по советским временам.

Елена Лукьянова, профессор, доктор юридических наук:

— Юристы оперируют дефинициями. Четкой дефиниции экстремизма нет, и правоприменители расширяют это понятие каждый раз, когда нужно. Под предлогом борьбы с экстремизмом даже введены ограничения избирательных прав: в законе об основных гарантиях избирательных прав есть указание на то, что люди, обвиненные в занятии экстремистской деятельностью, ограничиваются в пассивном избирательном праве.

Автор: Илья Кригер © Новая газета ПОЛИТИКА, РОССИЯ 👁 3930 21.05.2007, 18:11 ♡ 218

URL: <https://babr24.com/?ADE=37891> Bytes: 6639 / 6632 Версия для печати Скачать PDF

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)